

АЛЕКСАНДР РЕПНИКОВ

Размышления о консерватизме

Ах, я закидывал свою сеть в моря их, желая наловить хороших рыб, но постоянно вытаскивал я голову какого-нибудь старого бога.

Ф. Ницше. Так говорил Заратустра.

Вопрос о совместимости консерватизма и модернизации возник давно, и было бы самонадеянно пытаться ответить на его в одной статье. К счастью, журнал «Свободная Мысль», вполне в духе своего названия, решил в лучших научных традициях инициировать обсуждение проблемы, опубликовав статьи Михаила Кротова и Михаила Ремизова¹. Как общественно-политическое течение консерватизм возник в конце XVIII века, явив собой реакцию на философию Нового времени и Французскую революцию. Характерна в этом отношении полемика В. М. Межуева и М. В. Ремизова:

—Вы вопросы консерватизма рассматриваете только по отношению к Просвещению. Мне кажется, это не вся европейская история.

—...Действительно, это не вся европейская история. Но это та ее часть,

которая вызвала к жизни не просто консервативную реакцию, но более-менее полноценный идеологический консерватизм. Может быть, это некое клише, но я воспринимаю эпоху Просвещения и Французской революции как осевое время политических идеологий, как точку, из которой расходятся различные траектории².

¹ См.: **М. Кротов**. Консерватизм и экономическая политика. — «Свободная Мысль». 2012. № 9/10; **М. Ремизов**. Консерватизм и современность. — Там же.

² См.: «Консерватизм/традиционализм: теория, формы реализации, перспектива. Материалы научного семинара». М., 2010. Вып. 3. С. 35. См. также: **М. В. Ремизов**. Опыт консервативной критики. М., 2002. Г. Рормозер, например, считает, что мнение о вторичности консерватизма типично «лишь для определенных сил, которые считают себя партией прогресса. Прогрессивность же они сводят на самом деле к рационализации всех природных, исторических, общественных отношений, выдавая свою собственную позицию за позицию эпохи Нового времени как таковой... В действительности эпоха Нового времени переживает кризис. В противовес вышеупомянутой левой позиции я предложил бы следующий тезис: эпоха Нового времени в целом всегда характеризовалась диалектическим взаимодействием прогрессивных и консервативных сил (см. **Г. Рормозер, А. А. Френкин**. Новый консерватизм: вызов для России. М., 1996. С. 96).

Для него было характерно признание приоритета монархического принципа правления, естественного неравенства людей и необходимости общественной иерархии³. Главной ценностью для консерваторов являлось религиозное начало, которое, согласно их воззрениям, придавало смысл существованию человеческой личности и мировой истории в целом. Консерватизму присущ культ церкви, армии⁴, школы и семьи⁵, то есть тех общественных институтов, которые выступали основными проводниками и хранителями традиции. Большое внимание уделялось средствам массовой информации, оказывавшим влияние на общество, и контролю за

³ «Консервативная идеология отстаивает принципы иерархичности социума, у истоков этой идеологии, безусловно, стоит Платон. Необходимость иерархии, развития полноценных сословий (власти, аристократии, ученого и культурного сословия, крестьянства, в современном обществе к этому надо прибавить сословие управленцев, менеджмента, бизнеса, научно-технической интеллигенции и т. д.) обеспечивает, с точки зрения Леонтьева, культурно-государственное развитие» (см. **А. А. Корольков**. Апология «Законов» Платона: размышления по поводу консерватизма. — «Философия права». 2010. № 4.

⁴ К. Н. Леонтьев воспевал «блаженное для жизненной поэзии время», когда идеалом мужчины был воин. С. Ф. Шарапов писал: «Наш национальный характер таков, что над нами должна быть всегда гроза. Скажите офицеру: командуйте и берите на себя всю ответственность: он будет счастлив, ибо воспитан в постоянной ответственности, жаждет самостоятельности и не боится за себя. Таков дух военного дела. Скажите монаху: иди и делай то-то. Он берет на себя ответственность, как «послушание». Скажите-ка чиновнику, чтобы он что-нибудь взял на свою ответственность, и он тотчас же струсит и спрячется» (**С. Ф. Шарапов**. Россия будущего (третье издание «Опыта Русской политической программы»). 1. Самодержавие и Самоуправление (исследование). 2. О земщине и бюрократии (переписка С. Ф. Шарапова с кн. В. П. Мещерским). М., 1907. С. 55).

⁵ См. **К. Л. Медолазов**. Политика самодержавия и монархических организаций в области образования и просвещения (1901—1913 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 1999.

ними⁶. Вместе с тем М. Ремизов верно говорит о непродуктивности создания неких «джентльменских наборов» типологических признаков консерватизма⁷. Данные социологических опросов показывают, что в сознании наших современников со словами «консерватизм» и «консерватор» ассоциируются следующие явления:

— Упрямый, упертый, непробиваемый.

— ...Опора на традиции, ценности, идентичность.

— ...Осторожное отношение ко всему новому.

— Основание, традиции.

— Вот Михаил Леонтьев — ярко выраженный консерватор.

— Марк Захаров, например, Лев Гумилев.

— Я сразу представил себе такого английского джентльмена в стиле Пуаро, который ездит на машине сороковых годов.

— Мужчина лет пятидесяти. В костюме. Стростью. И почему-то одежда у него в коричневых тонах... Вежливый, уважительный, с тонким чувством юмора.

— Священник. Для него дух важнее внешнего вида.

— Консерватор ассоциируется с дворянином⁸.

В России консерватизм был явлением, во многом родственным западноевропейскому, поскольку его представители разделяли основные ценности, характерные для их еди-

⁶ См.: **Т. М. Кирютина**. Проблемы развития русской литературы и журналистики конца XIX — начала XX в. С. Ф. Шарапов. Дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2001; **О. Г. Панаэтов**. С. Ф. Шарапов о прессе и проблема подбора кадров. — «Журналистика: историко-литературный контекст». Краснодар, 2003. Вып. 2.

⁷ См. **М. Ремизов**. Консерватизм и современность. С. 66.

⁸ См. «Джентльмен в стиле Пуаро? (Подготовила А. А. Хмелева)». — «Консерватор. Журнал из Санкт-Петербурга». 2008. № 1. С. 51—52.

номышленников на Западе. Вместе с тем идейное влияние западноевропейских консерваторов в России было относительно невелико⁹. Специфика отечественного понимания консерватизма была обусловлена тем, что он являлся реакцией на радикальную вестернизацию, проявлениями и главными символами которой в тот период был либерализм Александра I, западническая направленность русского дворянства и наполеоновская агрессия против Российской империи. Эти явления и события воспринимались консерваторами как угрозы, ведущие к разрушению традиционных устоев.

История становления отечественного консерватизма свидетельствует о зависимости этого феномена от исторического, географического и национального контекстов. На практике становление и развитие консервативной мысли оказалось довольно плюралистичным. Консерватизм не был универсальной идейной конструкцией с четко очерченной системой взглядов, хотя в нем и присутствовал стержень в виде влияния православной религии на все стороны жизни общества. Огромную роль также играл идеал мощного централизованного иерархического государства, сформировавшийся в силу географических особенностей и военных угроз со стороны Запада и Востока, требующих сплоченности от власти и народа. На всех этапах развития консерватизма в нем присутствовали элементы формулы «Православие. Самодержавие. Народность».

⁹ См.: **А. В. Репников, А. Ю. Минаков.** Консерватизм в России. — «Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: Энциклопедия». М., 2010; **А. Ю. Минаков, А. В. Репников, М. Ю. Чернавский.** Консерватизм в России. — «Новая Российская энциклопедия». В 12 т. М., 2010. Т. 8(2). С. 262—264.

Изначально консервативная идеология и практика являлись достоянием отдельных лиц и элитарных кружков, хотя влияния консерватизма не избежала и власть. Выполнение своих требований консерваторы переадресовывали главе государства, ориентируясь на монарха, использование имеющихся у него в наличии политических и административных рычагов. Большое значение в этом случае имела апелляция к истории, сравнение с ней современной им действительности. При этом в прошлом акцентировались такие факты, которые могли послужить примером для потомков. Например, обращение к победе в Отечественной войне 1812 года должно было способствовать консолидации общества на основе явления, которое историки впоследствии назовут «коллективной памятью»¹⁰.

По мнению консерваторов, в идеале верховным арбитром, стоящим над всеми сословиями, надлежало быть самодержцу. Государство не может строиться только на основе любви и согласия, но продуманная иерархическая система способна ослабить «государево тягло», распределив его на все социальные слои. Такая система превращается не в аппарат подавления свободы, а в регулятор требований, предъявляемых к каждому члену общества в зависимости от его положения. В этом случае, чем выше поло-

¹⁰ См.: **Е. А. Вишленкова.** Война и мир в политической риторике России первой четверти XIX века. — «Консерватизм в России и мире». Сборник статей. В 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 1; **А. Ю. Минаков.** Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. Военные победы и в дальнейшем неоднократно использовались в качестве объединяющего фактора. Некоторые историки отмечают, что скрепой, которая на фоне постепенно вырождавшейся официозной идеологии объединяла людей в последние десятилетия существования СССР, была Великая Отечественная война и связанная с ней героика.

жение человека, тем выше его ответственность (не только служебная, но и нравственная).

Приверженцы «теории официальной народности» полагали, что самодержавная монархия воплощала собой самобытный тип государственного правления, отвечавший историческому своеобразию русского народа. С этим тезисом связано убеждение о необходимости решения возникающих проблем силами государственного аппарата и посредством исходящих от верховной власти распоряжений. Правительство рассматривалось как источник порядка, нравственности, общественной заботы, просвещения и культуры народа.

Представители славянофильского направления признавали главенство православия, отстаивали идею своеобразного пути развития России, превозносили особый характер социально-нравственных отношений людей внутри общины. Однако им был свойственен скорее традиционализм, чем собственно консерватизм¹¹. Славянофилы признавали необходимость введения свободы слова, печати, независимого и гласного суда, поддерживали принцип веротерпимости, выступали за права личности и общества. Приоритетное внимание они уделяли не государству, а развитию народных форм жизни.

В правление императора Александра III многие теоретические положения консерватизма нашли воплощение в программе так называемых контрреформ. В первом номере «Московских ведомостей» за 1897 год провозглашалось: «Государственные идеалы Александра III являются для России путеводной звездой»¹².

¹¹ См. **П. И. Линицкий**. Славянофильство и либерализм (западничество). Опыт систематического обозрения. М., 2012 (репринт издания 1882 года).

¹² «Наша программа». — «Московские ведомости». 1897. № 1. С. 3.

Подводя итоги царствования этого монарха, Тихомиров представил его как воплощение качеств идеального государя, считая, что личность покойного могла бы послужить неким стандартом для будущих самодержцев. В частности, он писал: «Император Александр III не был только выразителем идеи. Он был истинный подвижник, носитель идеала... В последние годы своей недолгой жизни он уже победил все и всех. Весь мир признал его величайшим монархом своего времени. Все народы с доверием смотрели на гегемонию, которая столь очевидно принадлежала ему по праву, что не возбуждала ни в ком даже зависти»¹³.

В условиях нарастания революционного движения (особенно в период деятельности организации «Народная воля») в среде консерваторов намечается стремление к организационному объединению. На рубеже XIX—XX веков консерватизм стремится противостоять различным формам экстремизма.

В начале XX века происходит организационное и партийно-политическое оформление консервативных сил: возникают дворянские и всесословные политические структуры, союзы, партии. Наиболее ярким примером сплочения различных консервативных сил общества (дворянства, духовенства, чиновничества, широких слоев крестьянства) стало их идеологическое и организационное единение в годы революции 1905—1907 годов. Тогда власть поддержала консерваторов, видя в них противовес либералам и левым радикалам.

Манифест 17 октября 1905 года и создание Государственной думы поставили консерваторов в затруднительное положение. Парламент, по-

¹³ **Л. А. Тихомиров**. Критика демократии. М., 1997. С. 526—527.

литические партии и предвыборная борьба стали реальностью, и многие мыслители начали трактовать создание Думы в традиционалистском ключе. Л. А. Тихомиров утверждал, что «Государственная Дума, по основной идее, пополняет важный пробел, доселе существовавший в наших учреждениях»¹⁴.

Отношение консерваторов к политической и экономической модернизации было настороженным, что вытекало из мировоззренческих установок, в значительной степени базировавшихся на религиозном (православном) миропонимании; из негативного взгляда на процесс капитализации в целом. По мнению таких консервативных мыслителей, как К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев, С. Ф. Шарапов, К. Н. Пасхалов, М. О. Меньшиков и других, спутниками прогресса и капитализации были буржуазно-либеральные идеи, охватывающие «верхи», и социалистические идеи, проникавшие в «низы».

Однако ошибочно было бы считать консерваторов абсолютными ретроgrадами и противниками прогресса¹⁵. Так, например, публицист, сотрудник простольпинской газеты «Россия» А. Н. Гурьев справедливо отмечал, что «в реальной государственной практике отношения между консерватиз-

мом и либерализмом, в сущности, напоминают собой отношения между мужским и женским полом: вечные ссоры и постоянная любовь», отмечая, что «либерализм идей и консерватизм действий — вот два принципа государственной архитектоники, взаимодействием которых создается прочная работа государственного строительства»¹⁶. Гурьев считал, что консерватизм в его правильном понимании не противен прогрессу, а только требует иного метода его осуществления.

Отстаивая эволюционный путь развития вместо революционного,

Прогресс в консервативной трактовке есть здоровое развитие; стало быть, радикальная ломка государственного и бытового строя — это не прогресс, а революционные взрывы, слом человеческих судеб и трагедии.

М. О. Меньшиков обращал внимание на то, что «прогресс в благородном понимании этого слова есть здоровое развитие — стало быть, радикальная ломка государственного и бытового строя не есть прогресс. Все живое растет очень медленно. Никакие органы не создаются по команде преобразователей. Только то прогрессивно, что жизненно и что дает наибольшее количество блага. Эволюция в природе вообще идет стихийным, а не катастрофическим путем: чрезвычайно осторожным на-

¹⁴ Л. А. Тихомиров. Монархическая государственность. М., 2010. С. 431. О взглядах Тихомирова по данному вопросу подробнее см.: О. А. Милевский, А. В. Репников. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011.

¹⁵ См. важную для понимания данной проблемы публикацию: В. П. Раков. К. П. Победоносцев в контексте политического модерна. — «Интеллигенция и мир». 2004. №1/2.

¹⁶ Цит. по: М. Н. Лукьянов. Российский консерватизм и реформа, 1907—1914. Пермь, 2001. С. 29.

щупыванием условий и медленным их синтезом. Вот почему истинный национализм враждебен кровавым революциям»¹⁷. Не случайно пермский историк М. Н. Лукьянов отмечает, что «резкая критика реально существующих институтов вполне совместима с консерватизмом. Справедливо и обратное утверждение: поддерживать любой реально существующий порядок — не обязательно означает быть консерватором. Очевидно, что консерватизм в принципе не означает противодействия переменам»¹⁸. Просто эти перемены консерваторы пытаются сделать управляемыми. «Остановить движение человечества нельзя, можно и должно прорыть правильное русло для течения общественной мысли и общественного чувства», — писал по этому поводу С. Н. Сыромятников¹⁹. Прогресс в консервативной трактовке есть *здоровое* развитие; стало быть, радикальная ломка государственного и бытового строя — это не прогресс, а революционные взрывы, слом человеческих судеб и трагедии. Все живое растет очень медленно. Истинный консерватизм враждебен революциям и любым формам экстремизма.

Для консерваторов была характерна сакрализация самодержавной власти, с которой напрямую связано то, что вплоть до конца XIX века они не стремились обеспечить оформление

правовой доктрины самодержавия. Проблему соотношения свободы личности и государственного принуждения консерваторы пытались снять за счет наличия религиозного фактора, и одно из главных мест в системе контроля отводилось Русской православной церкви. В этом же ключе следует рассматривать деятельность по ужесточению цензурных ограничений, а также постоянное внимание к вопросам образования. Народ, по мнению консерваторов, не всегда может понять, что «хорошо», а что «плохо». Если же он это понимает, то не всегда выбирает «хорошее». Помочь может сильное государство, опирающееся на нравственные начала.

Уважение к власти и государству оценивалось консерваторами как лучшее качество, присущее народу. «Искание над собой власти», по замечанию К. П. Победоносцева, представляет естественную психологическую черту людей. В период модернизации, когда происходившие изменения порождали в людях сомнения и неуверенность, власть должна была помочь им преодолеть революционные «соблазны». Детское состояние народной души — данность для консерваторов. Как ребенок доверяет родителям, так и народ должен довериться власти.

Сторонники укрепления самодержавия считались с реальностью начала XX века, когда модернизация породила проблему адаптации старых государственных структур к новым требованиям, и признавали, что даже «правейшие из правых» не выступали за сохранение тех порядков, при которых возможны нарушения закона. Ими критиковалась только несвоевременность государственной ломки в период войны с Японией и революции.

Анализ воззрений консервативных идеологов показывает, что они

¹⁷ М. О. Меньшиков. Письма к русской нации. М., 1999. С. 312.

¹⁸ М. Н. Лукьянов. Консервативная научная интеллигенция и власть (1907—1914). — «Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х годов. Материалы Международного научного colloquium». СПб., 2003. С. 343—344.

¹⁹ С. Н. Сыромятников (Сигма). Опыты русской мысли. СПб., 1901. Кн. 1. С. 73. Подробнее о его взглядах см.: Б. Д. Сыромятников. «Странные» путешествия и командировки «СИГМЫ» (1897...1916 годы): Историко-документальная повесть-расследование. СПб., 2004.

не были «политическими страусами», осознавая проблемы стоявшие перед страной, предлагая различные пути их решения; не приукрашивая реальность, в которой жили. Вместе с тем консерваторы считали, что радикально-революционный вариант модернизации приведет к катастрофическим последствиям для страны.

Один из факторов успешного государственного строительства, по мнению К. Н. Леонтьева, состоял в приоритете общеимперского над национальным²⁰. Доктрины о неравенстве рас и наций были неприемлемы для русских консерваторов. Государство, по их мнению, должно строиться на принципах самодержавия и православия, а не по этническому признаку, поскольку в случае ослабления государственности титульная нация, сколь могущественной она ни была бы, неизбежно начнет клониться к закату. Леонтьев несомненно был более империалист, чем националист, и мыслил масштабными имперскими категориями, считая, что порой можно поступиться интересами нации во имя интересов государства. Отбросив славянофильский национализм, он дал имперской идее религиозно-философское обоснование. С ним был согласен Л. А. Тихомиров, который считал, что преобладание этнического подхода в государственной политике ускоряет процесс эгалитаризации общества.

²⁰ См.: **И. Соколовский**. Константин Леонтьев о национализме. — «Ориентиры». 1991. № 2. Более подробный анализ см.: **А. А. Корольков**. Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991; **О. Л. Фетисенко**. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века). СПб., 2012; **Д. Е. Муза**. Константин Николаевич Леонтьев: Личностный миф и драма идей в контексте поиска духовного смысла истории. М., 2012.

Консерваторы пытались найти компромисс с происходившими в стране переменами и, ратуя за сохранение принципиально-сущностных основ традиционной системы отношений, одновременно старались разработать и предложить целостную систему мер, позволяющих, по их мнению, осуществить плавный переход к новым социально-экономическим отношениям. Суть трансформационных перемен была четко сформулирована П. А. Столыпиным: нам нужна «Великая Россия» в противовес «великим потрясениям», о которых говорили радикалы. Модернизация в России породила проблему адаптации старых государственных структур к новым требованиям. В условиях быстро меняющегося мира консерваторы стремились сделать акцент на обосновании преимуществ традиции, что, по их мнению, позволяло избежать «прерыва постепенности». При этом «никто, даже правейшие из правых, не стояли за сохранение порядков, при которых возможны были невероятные правонарушения всевозможных видов; указывалась ими только несвоевременность государственной ломки», — писал К. Н. Пасхалов²¹.

Некоторые современные исследователи не считают нужным обращать внимание на религиозную составляющую в построениях консерваторов и высказывают сомнения (иногда обоснованные) в степени личной религиозности тех или иных мыслителей-монархистов²².

²¹ **К. Н. Пасхалов**. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения М., 1910. С. 5.

²² Так, современный исследователь полагает, что нет смысла анализировать монархизм русских консерваторов «в контексте их религиозных верований», поскольку «“религиозность” является довольно пустым и ничего не объясняющим термином» (**М. Д. Суслов**. Новейшая историография русского консерватизма: его исследователи, критики и апологеты. — «Ab Imperio». 2008. № 1. С. 269—270).

С таким выводом сложно согласиться. Дело не в том, сколько раз в месяц ходили в церковь Победоносцев или Тихомиров и соблюдали ли они пост. Православие рассматривалось ими как важнейшая скрепа консервативной идеологии. Консерваторы видели и назревшие проблемы церковной жизни, предлагая адекватные пути их решения:

- восстановление патриаршества;
- освобождение церковной жизни от диктата государственной власти;
- противодействие бюрократизации путем введения в церковное самоуправление мирского выборного начала;
- усиление роли церковного прихода в жизни верующих;
- сотрудничество со старообрядцами и мусульманами на общей платформе борьбы с революционерами, сектантами, атеистами и пр.;
- укрепление авторитета церкви в целом и православного духовенства в частности²³.

Хотя консерватизм имел национально-религиозную окраску, мало кто из теоретиков этого течения задумывался о разработке доктрины русского национализма. Л. А. Тихомиров, посвятивший этой проблеме цикл статей, жаловался, что «в нынешнем национализме чувствуется скорее “слово”, чем “понятие”, и это тем удивительнее, что национализм у нас далеко не нов. Его идея, в разных оттенках славянофильства, получила разработку несравненно более глубокую, чем какой бы то ни было другой принцип, нашим обществом воспринимавшийся. И тем не менее,

хотя слово “национализм” раздается всюду, но что составляет содержание этого слова, к какому действию обязывает современного человека его “национализм”, — этого пока невозможно определить»²⁴. В то время как для одних консерваторов истинно русским мог считаться только православный по вере, другие, наблюдая переход иноверцев в православие, призывали обращать внимание и на происхождение. Но в целом национальный вопрос для русских консерваторов²⁵ значил меньше, чем вероисповедальный.

Лозунг «Православие. Самодержавие. Народность» в начале XX века уже не мог звучать с равным упором на всех трех составляющих, что, впрочем, не мешало монархическим партиям использовать его в программных документах и пропаганде. При этом консерваторы стремились не только (и не столько) к сохранению «внешней оболочки» традиционной России, но и религиозно-нравственных принципов, предлагая различные варианты их развития в традиционалистском ключе. В условиях роста популярности и влияния неконсервативных идей требовались реальные доказательства того, что монархия действительно составляет лучший вариант для России. «Времена изменились, и теперь стало необходимым выяснить себе наши начала, доказывать себе самим, что наши начала отличны от иноземных. Некоторые, не довольствуясь этим, хотят доказать, что они даже лучше иноземных...», — отмечал Д. А. Хомяков²⁶. Происходившие в России модернизационные

²³ См. подробнее: **И. В. Лобанова**. Восстановление патриаршества в восприятии православной иерархии России на рубеже XIX–XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; **О. Н. Савицкая**. Православное духовенство в правомонархическом движении 1905–1914 гг. (По материалам Саратовской губернии). Дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2001.

²⁴ **Л. А. Тихомиров**. Христианство и политика. М., 1999. С. 164.

²⁵ Но не для русских националистов (Н. Г. Дебольский, М. О. Меньшиков, П. И. Ковалевский, И. А. Сикорский, В. В. Шульгин и др.).

²⁶ **Д. А. Хомяков**. Православие. Самодержавие. Народность. Минск, 1997. С. 96.

изменения значительно опережали построения теоретиков консервативной мысли, стремившихся выстроить обновленное здание российской государственности на старом фундаменте, не разрушая его «до основания», как предлагали сделать революционно настроенные левые радикалы.

Для консерваторов большое значение имело наличие сверхзадачи, идеи, объединяющей власть и народ. Современный автор отмечает: «Либеральная политология полна попыток оскотить феномен власти, лишив ее той таинственной энергетической, которая обеспечивает реальные ответы жизни на импульсы, идущие от власти, сообщает ей притягательность, силу и вдохновение. Власть пытаются изобразить в сугубо институциональном ключе — как заведенный механизм, работающий независимо от человеческой воли, страстей и дерзаний. Но это профанация подлинного феномена власти»²⁷. В результате общество видит только дуализм: «консерваторы — реформаторы», «свобода — принуждение», «анархия — диктатура», забывая, что «государство держится не одной свободой и не одними стеснениями и строгостью, а неуловимой еще для социальной науки гармонией между дисциплиной веры, власти, законов, преданий и обычаев, с одной стороны, а с другой — той реальной свободой лица», которая предполагает выбор между соблюдением закона и наказанием за его нарушение»²⁸. «Государство обязано всегда быть грозным, иногда жестоким и безжалостным,

потому что общество всегда и везде слишком подвижно, бедно мыслью и слишком страстно», — писал К. Н. Леонтьев²⁹. Государство должно быть сильным: «...надо крепить себя, меньше думать о благе и больше, о силе. Будет сила, будет и кой-какое благо. А без силы разве оно придет?»³⁰ Сила есть «существенно необходимый» элемент всякого закона.

Для консерваторов большое значение имело наличие сверхзадачи, идеи, объединяющей власть и народ.

Однако попытки воплотить систему консервативных взглядов на практике потерпели поражение. Еще при жизни идеологов консерватизма вокруг них (в первую очередь стараниями либеральной и революционной общественности) создавалась «стена отчуждения». Интерес ко многим действительно выдающимся трудам мыслителей-консерваторов («Россия и Европа» Н. Я. Данилевского, «Византизм и славянство» К. Н. Леонтьева и др.) возникал только после смерти их авторов и носил научно-публицистический характер. Попытки «достучаться» до власти наталкивались на непонимание³¹.

Внутренний политический кризис был спровоцирован и внешнеполитической ситуацией начала XX века. Несмотря на наличие в консерватив-

²⁷ А. С. Панарин. Помимо левых и правых: новые горизонты российского центризма. — «Политический центризм в России». М., 1999. С. 31.

²⁸ К. Н. Леонтьев. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872—1891). М., 1996. С. 273.

²⁹ Там же. С. 221.

³⁰ Там же. С. 152.

³¹ См.: А. В. Репников. Будущее России в концепциях русских консерваторов начала XX века. — «Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса». М., 2001; М. Н. Лукьянов. Самодержавие или самодержец: Николай II глазами российских правых. — «Власть». 2010. № 7.

ной среде целого ряда мыслителей-геополитиков (А. Е. Вандам (Едрий-хин), И. И. Дусинский, Ю. С. Карцов, Э. Э. Ухтомский, С. Н. Сыромятников и др.), отличавшихся здравыми внешнеполитическими суждениями и прогнозами, единой программы по этому вопросу выработано не было. Основными направлениями внешней политики в консервативных концепциях в начале XX века являлись:

— поиск союзников в Европе (здесь в качестве желательного союзника вплоть до начала Первой мировой войны рассматривалась Германия; Англия оценивалась в качестве геополитического и экономического конкурента; а республиканская Франция — в качестве возможного союзника). Война с Германией оценивалась многими консерваторами как самоубийственная для монархических режимов обеих стран. Такой настрой объяснялся еще и пониманием неготовности страны к большой войне;

— по-прежнему актуальной, с точки зрения консерваторов, оставалась идея объединения славян, хотя нужно отметить, что результаты, достигнутые в ходе русско-турецких войн, уже вызывали сомнения в необходимости этого для России;

— война с Японией подтолкнула к разработке концепций, обосновывающих необходимость активных внешнеполитических действий на Дальнем и Среднем Востоке. В связи с этим приобретали актуальность идеи о развитии взаимоотношений России с Китаем, Кореей, Персией.

В преддверии и после начала Первой мировой войны консерваторы, как лояльные верноподданные, не могли поступить иначе, как только следовать внешнеполитическому курсу, провозглашенному царем. События на фронте и в тылу развивались

не лучшим образом, и возможность поражения в войне, о которой все чаще задумывались монархисты, связывалась с неизбежностью новой революции. В начале XX века перед консерваторами стояла задача разработать политико-правовую модель самодержавной власти, но этот процесс так и не был завершен, когда общество уже отвернулось от консерватизма в сторону более радикальных концепций. Соединить консерватизм и модернизацию тогда не удалось, и все закончилось революцией.

Вопрос о существовании единой консервативной модели или же ряда таких моделей остается дискуссионным. Правильнее говорить о наличии в дореволюционной России целого ряда проектов, выдвинутых консервативными мыслителями. В разных странах и в разные эпохи консерватизм различен, и нецелесообразно автоматически записывать в союзники всех, кто когда-либо и где-либо называл себя консерваторами. Эволюция идей и личностей показывает, что вряд ли возможно раз и навсегда дать окончательное определение понятию «консерватизм».

Консерваторы в России видели пути решения проблем, стоявших перед страной, не в радикальной революционной ломке, а в опиравшемся на исторический опыт постепенном эволюционном реформировании системы. Таким образом, главным камнем преткновения общественных течений России того времени был вопрос не о проведении преобразований или их отрицании, но о том, какими именно ценностями следует руководствоваться при осуществлении очевидно необходимых реформ, какой программой — радикально-насильственной или же естественно-эволюционной. Консерваторы стремились обеспечить устойчивое развитие страны, сохранить ее поли-

тическую систему и национальную идентичность в новых условиях. Самодержавной России в силу ряда причин этого сделать не удалось, однако этот факт не отрицает самой возможности сочетания консерватизма и модернизации.

В последние десятилетия начиная с 1990-х годов в научном и политическом мире значительно возрос интерес к русскому консерватизму и его представителям, хотя, безусловно, многое из того, что предлагали консерваторы на рубеже XIX—XX веков, ныне кажется архаичным. Тем не менее консерватизм не только остается предметом научных исследований, но и популярен в российской политике³². Особую актуальность обращению к консервативным концепциям вековой давности придают попытки популяризации дореволюционной консервативно-монархической традиции. Эти попытки были предприняты Н. С. Михалковым³³, но заметного успеха не имели и так и не оформились в серьезный проект.

³² См., например: **В. В. Радаев**. Об истоках и характере консервативного сдвига в российской идеологии. — «Иное. Хрестоматия нового русского самосознания». М., 1995. Т. 1; **Л. Поляков**. Либеральный консерватор. Именно таким представляется Владимир Путин, судя по его заявлениям. — «Независимая газета». 02.02.2000; «Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии». М., 2003; **А. Г. Дугин**. Владимир Путин и консервативная революция. — «Российская газета». 20.05.2003; **А. Верховский**. Переформулированная свобода. «Новые консерваторы» убеждены, что ценности империи и нации важнее, чем уважение прав личности. — «Еженедельный журнал». 2004. № 23; **В. В. Блинов**. Политико-психологический анализ консервативных ценностей в современной России. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2007; **С. Ж. Токтамысов**. Консерваторы в США и России на рубеже XX—XXI веков (Сравнительный анализ структуры представителей и внешнеполитических подходов). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007.

³³ См. **Е. В. Иванова**. О семинаре по проблемам консерватизма в Российском фонде культуры. — «Вопросы философии». 2001. № 8.

Что касается широких слоев населения, то, как отмечал еще в 2000 году эксперт Фонда Карнеги А. Рябов, «все усилия, имевшие целью выстроить новую политическую мифологию на образе дореволюционной России, и связанная с этим кампания вокруг Николая II оказались абсолютно безрезультатными. В обществе не нашлось слоев, способных такую мифологию воспринять»³⁴.

Исследователь А. М. Руткевич также считает, что «традиция консервативной мысли была у нас пресечена, а потому всякая реконструкция оказывается субъективной»³⁵. Об этом пишет и современный историк В. С. Коновалов, отмечающий, что «при характеристике монархического лагеря, как, пожалуй, никакого другого, мышление историков сковывают не столько прежние идеологические стереотипы, сколько пока еще вседовлеющее желание подогнать под одну общую оценку любые сложные, противоречивые, многомерные явления»³⁶. К тому же идеализация императорской России часто вызывает у исследователей раздражение, ведь если мы обратимся к первоисточникам (в первую очередь к архивным материалам, книгам, статьям, дневникам и эпистолярному наследию самих консерваторов), то увидим, что в среде консерваторов росли эсхатологические предчувствия³⁷. Американский исследователь Э. Таден отмечал, что модернизационные изменения значительно опережали

³⁴ «Есть ли будущее у российских консерваторов?» — «Независимая газета». 12.01.2000.

³⁵ **А. М. Руткевич**. Что такое консерватизм? М.; СПб., 1999. С. 16.

³⁶ «Аграрный вопрос в России в начале XX столетия. Обзор». М., 1996. С. 42.

³⁷ См. **М. Н. Лукьянов**. В ожидании катастрофы: эсхатологические мотивы в русском консерватизме накануне Первой мировой войны. — «Russian History / Histoire Russe». 2004. Vol. 31. № 4.

теоретиков консервативной мысли, которые «не смогли понять, что в то время как они пытались сформулировать новую консервативную и националистическую русскую философию и внедрить ее в жизнь, славянофильские и консервативно-националистические идеи в России были подвержены процессу разложения»³⁸.

Российские интеллектуалы не первый год обсуждают степень применимости «консервативного проекта» к реалиям современной России. О том, что это не просто отвлеченные рассуждения, свидетельствует и тот факт, что на консерватизм обратили внимание властные структуры. Так, еще в 2008 году Б. В. Грызлов, выступая на X съезде «Единой России» обозначил, что «идеология “Единой России” — российский консерватизм»³⁹; появился вызвавший поначалу бурную полемику, а ныне подзабытый «Консервативный манифест» Н. С. Михалкова; начал свою работу «Изборский клуб» и т. д.

С другой стороны, остепененные историки и филологи, часть из которых проявляла интерес к консерватизму еще в советское время, не особенно торопятся принять участие в этих дебатах, а предпочитают посвящать себя публикаторской и исследовательской деятельности. Со своей точки зрения они правы: политическая мода проходит, конъюнктура меняется, а академическое полное собрание сочинений К. Н. Леонтьева

останется. И собрание сочинений М. Н. Каткова (уже вышло пять томов из шести), 28 книг собрания сочинений И. А. Ильина и 30 томов собрания сочинений Розанова — они тоже на века. Споры о «современности» или «архаичности» консерватизма особо не влияют на исследователей, поскольку финансовую поддержку изданию этих собраний сочинений оказывают не партии, предпочитающие издавать работы собственных лидеров, а гуманитарные фонды.

Обращение к консерватизму происходит словно в двух плоскостях. С одной стороны — «круглые столы», глянцево-брошюрные, газета «Консерватор» и петербургский журнал «Консерватор» (оба издания канули в Лету) и т. д. С другой стороны — менее заметная кропотливая работа по выявлению и публикации источников, написанию биографий, заполнению «белых пятен». Уже можно издавать полное собрание сочинений К. Н. Леонтьева, собрание сочинений М. Н. Каткова. Но М. О. Меньшиков, как крайне неполиткорректный националист, все еще не желателен. Ученые, словно саперы, исследуют интеллектуальное пространство. В 1997 году мизерным тиражом вышла в свет первая и до сих пор единственная монография сотрудника ИНИОН РАН П. И. Шлемина, посвященная взглядам Меньшикова, которая почти сразу получила критический отклик⁴⁰. Зато почувствовавшие читательский спрос издательства переиздают не только Меньшикова, но совершенно третьеразрядных черносотенных публицистов, которых и при их жизни мало кто читал. В связи с этим, независимо от симпатий или антипатий к тем или иным деятелям

³⁸ E. Thaden. *Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia*. Seattle, 1964. P. 122.

³⁹ См.: «Центр социально-консервативной политики». М., 2009. Вып. 9: Российский консерватизм — идеология партии «Единая Россия». С. 78—80; «Библиотека “Единой России”». М., 2003. Кн. 1: Идеи; Кн. 2: Люди; Кн. 3: Действия (переиздано в 2010 году); Ю. Е. Шувалов, А. В. Посадский. Российский консерватизм: ценностные основания и стратегии развития. М., 2010; «Современный российский консерватизм. Сборник статей». М., 2011 и др.

⁴⁰ См. А. Рейтблат. «Котел фельетонных объедков»: случай М. О. Меньшикова. — «Неприкосновенный запас». 1999. № 2.

прошлого (охранителям и анархистам, большевикам и либералам и т. д.), уже приходилось слышать мнение, что, пока профессиональные исследователи спорят, книжный рынок захватывают (захватили?) те, кто будет наводнять его книгами и «правых», и «левых», изданными с одинаковой небрежностью.

Примером, когда в одной серии удалось объединить работы самых разных мыслителей прошлого, пригласив для их подготовки группу профессиональных ученых, стало, на наш взгляд, издание в 2010 году 118-томной Библиотеки отечественной общественной мысли, куда наряду с работами консерваторов (К. П. Победоносцев, Н. Я. Данилевский, С. Ф. Шарпоров, Л. А. Тихомиров, А. С. Шишков, М. М. Щербатов и др.) вошли труды либеральных мыслителей (Т. Н. Грановский, Б. Н. Чичерин, Вл. С. Соловьев, П. Н. Милюков и др.), сторонников революционного переустройства (П. Н. Ткачев, П. А. Кропоткин, В. И. Ленин и др.). Это издание стало лауреатом национального литературного конкурса «Книга года» (2010 год), организованного Роспечатью, и было удостоено гран-при. Таким образом, издательство РОССПЭН показало, что профессионалы могут и должны работать вместе, при этом не «наступая на горло собственной песне» и максимально используя накопленные знания и опыт. Тем более что личные политические, идеологические, эстетические и прочие симпатии и антипатии у людей науки, делающих *общее* дело, как правило, отступают на задний план⁴¹. Кстати, в советское

время над масштабными издательскими сериями могли работать и вполне официозные исследователи, и те, кто симпатизировал (не доходя, впрочем, до открытого диссидентства) иным идеям.

В завершение разговора поясню и свою собственную позицию. Тот факт, что в 1990-е годы власть благоволила к либерализму, а потом явно повернулась к консерватизму, для академического ученого важен не настолько, чтобы, «здрав штаны», бежать на очередной «круглый стол», надеясь, что ему окажут благоволение. Те, кто профессионально занимался изучением отечественной либеральной мысли в советское время, остались такими же профессионалами в этой области в 1990-е и последующие годы. Конечно, «мода» на ту или иную идеологию влияет на научную среду (помню, как в 1997-м некоторые коллеги искренне предлагали мне сменить тему кандидатской диссертации и писать не о консерватизме, а о либерализме, чего я, естественно, не сделал). *Сегодня* работы о консерватизме и либерализме преобладают, но, возможно, *завтра* опять проснется интерес к изучению российской социал-демократии, народничеству, анархизму и другим аналогичным темам.

В начале XXI века мы опять стоим перед «вечным» вопросом о соотношении общечеловеческих и национальных принципов, что напрямую связано с непреходящей значимостью для нашей страны проблемы соотношения традиции и модернизации. Русский консерватизм, конечно, не является единственным спасением от сегодняшних проблем, но его внимательное изучение может оказать существенную помощь в выработке политического курса, находящегося по ту сторону «правых» и «левых» крайностей.

⁴¹ Когда весной этого года один российский телеканал готовил цикл документальных передач и обращался к людям из разных политических и идеологических «лагерей», они зачастую советовали привлечь к проекту и своих оппонентов, высоко оценивая их профессиональный уровень.

Ошибочно полагать, что рецепты, данные консерваторами применительно к конкретной ситуации царствования Александра III и Николая II, можно использовать для лечения «болезней» XXI века. Другая крайность — объявлять все консервативное наследие архаикой, недостойной изучения

и уважения. Полагаю, что есть «золотая середина», и мы должны *sine ira et studio* изучать то наследие, которое нам досталось. Еще нельзя точно определить дальнейшие перспективы консерватизма в нашей стране, но можно сказать точно, что он не сошел со сцены Истории. ◆